

Цзян Лэ вообще не понимал, что именно происходит. Мужчина и женщина за решёткой уже отступили на полшага в сторону, словно освобождали кому-то место. Затем за металлическими прутьями из ниоткуда появилась высокая фигура. Будто под давлением внезапно хлынувшей мощной ауры металлическая решётка в одно мгновение расплавилась, образуя проход, через который мог пройти человек.

Пришедший следом человек шагнул внутрь.

Расплавившаяся решётка была похожа на окончательно расплавившееся чувство безопасности Цзян Лэ. Раньше он просто знал, что способности многих одарённых необычны, почти сверхъестественны и доведены до невероятного мастерства. Но своими глазами увидел такое впервые. И сразу троих.

Сравнение силы стало для Цзян Лэ почти осязаемым беспокойством. Его брови сами собой нахмурились. Страх превратился в едва заметное, не поддающееся контролю выражение злости. Он мог только раскинуть руки, заслоняя собой девушку позади.

Из-за угла света Цзян Лэ не мог ясно рассмотреть выражение лица пришедшего, но чувствовал исходящую от него мощь и недовольную ауру. От этого по всему телу прошёл озноб.

Девушка за спиной Цзян Лэ, напротив, могла ощутить гораздо больше. Она внезапно потеряла сознание и мягко осела вниз.

Цзян Лэ хотел обернуться и посмотреть, что с ней, но его тело само собой пришло в движение. Когда сознание вернулось, он обнаружил, что его обхватили за талию и вынесли за пределы подземной тюрьмы. Они задержались на земле лишь на миг, а в следующую секунду уже взмыли в воздух. Его прижали к груди и понесли в каком-то направлении.

Чувство невесомости не позволяло Цзян Лэ бездумно вырываться. Он поднял голову и при свете луны разглядел лицо мужчины. Оно было очень красивым, с острыми, выразительными чертами. До того как мужчина успел опустить взгляд в ответ, Цзян Лэ отвёл глаза. Затем он почувствовал, как ладонь погладила его по затылку, и изначально невероятно высокая скорость полёта тоже заметно снизилась.

— Кто ты? Куда ты меня несёшь? — спросил Цзян Лэ.

Мужчина только спустя некоторое время ответил:

— Домой.

После этого, что бы Цзян Лэ ни спрашивал, он больше не отвечал. Но было очевидно, что мужчина, по крайней мере, не желает ему зла. Цзян Лэ тоже не мог придумать, что такого можно использовать в обычном человеке вроде него. Просто все люди, которых он увидел этой

ночью, были один страннее другого, и его молодой мозг уже почти не успевал за происходящим.

Когда они наконец опустились на землю, Цзян Лэ сразу огляделся по сторонам. Даже при плохом освещении и ограниченном обзоре он всё равно понял, что это не имеет никакого отношения к тому «дому», который был в его памяти.

Сейчас Цзян Лэ стоял перед маленьким двориком. Архитектурный стиль этого дворика сильно отличался от того, что было распространено в нынешнее время. Сказать, что он был выдержан в древнем духе, было бы совсем не преувеличением. При этом всё в целом содержалось очень хорошо. Если смотреть через ворота внутрь, мох между кирпичами слабо светился. Во дворе стоял большой чан с водой, в нём росли кувшинки. Рядом высились два плодовых дерева, а на ветвях висели плоды самых разных сезонов и видов. Среди них даже болтался большой арбуз. В углу стены из щелей между кирпичами смутно высывалось несколько мягких лоз. Они стояли, как змеи, и ощущали окружающее дыхание.

Большинство живых существ в этом дворе явно были высокоуровневыми мутировавшими видами, которые для Цзян Лэ существовали только в учебниках. От этого у него на коже головы зашевелились волосы.

А мужчина уже обернулся и смотрел на него. Взгляд был глубоким и полным таких чувств, которых Цзян Лэ не понимал.

Цзян Лэ инстинктивно отступил на шаг. Ему хотелось развернуться, хотелось как можно скорее уйти. Но когда они только приземлялись, он ясно увидел, что сейчас они находятся на одинокой вершине. Если он действительно хочет уйти, перед ним есть только один путь: попросить мужчину отпустить его.

Цзян Лэ не хотел злить собеседника, поэтому нашёл тему и заговорил:

— Это место, где ты живёшь? Довольно уютно... Эм, спасибо, что спас меня оттуда, но мама ждёт меня дома. Я, пожалуй, пойду.

— С этого момента твой дом здесь.

Мужчина шагнул к нему ближе и протянул руку.

Цзян Лэ настороженно отступил, уклоняясь от его руки. Он с трудом удерживал лицо от полного развала, но отказ и неприязнь были слишком очевидны.

Даже понимая, что всё это лишь потому, что у Цзян Лэ нет прежних воспоминаний, а сам он для него сейчас просто чужой человек, Сяо Лан всё равно почувствовал боль от такого выражения. После бесконечно долгого ожидания без уверенности в результате они наконец

встретились вновь, и обрушившиеся чувства уже почти не позволяли Сяо Лану поддерживать внешнее спокойствие.

Он медленно убрал руку. Опустил её вдоль тела и сжал в кулак, а затем отвернулся, словно собирался уйти. Но Цзян Лэ ещё не успел выдохнуть с облегчением, как перед глазами у него без всякого предупреждения потемнело.

Тело, потерявшее сознание, медленно упало, но его уверенно подхватили и прижали к груди.

Сяо Лан отнёс Цзян Лэ в маленький домик и уложил на кровать. Его рука легко провела по щеке Цзян Лэ. Взгляд долго задерживался на лице юноши, и Сяо Лан в смутном оцепенении уже не мог понять, сон это или реальность. Они снова встретились, но пустота от потери всё равно не была заполнена до конца, а страх следовал за ним, как тень. В конце концов Сяо Лан поднялся и исчез из комнаты.

* * *

Цзян Лэ перевернулся, зевнул и открыл глаза. Когда он медленно разглядел над головой старый деревянный потолок, то ещё не до конца пришёл в себя и не понимал, где находится.

Примерно через две-три секунды Цзян Лэ едва не подпрыгнул и резко сел. Он огляделся, охватывая взглядом обстановку вокруг, и воспоминания о прошлой ночи постепенно вернулись.

В комнате больше никого не было. Цзян Лэ спрыгнул с кровати, прижался к деревянной двери со щелями и слушал несколько минут. Только постепенно убедившись, что снаружи, похоже, никого нет, он открыл дверь и вышел.

Во дворе всё ещё была та же картина, что он видел прошлой ночью. Кроме выложенной галькой дорожки, ведущей к воротам, вокруг оставались знакомые очертания растений и двора.

Мутировавшее плодовое дерево, увидев Цзян Лэ, даже протянуло к нему несколько ветвей, словно хотело дать ему что-нибудь съесть. Цзян Лэ испугался, пригнулся, увернулся и в несколько шагов бросился к воротам.

Однако едва он вышел за ворота, как увидел у входа во двор вчерашнего мужчину. Тот стоял к нему спиной, будто давно уже ждал там.

Сердце Цзян Лэ подпрыгнуло. Он стиснул зубы и подумал: вместо того чтобы терпеть эту непонятную пытку тупым ножом, лучше прямо сказать всё сразу.

— Пожалуйста, отпусти меня. Я не хочу оставаться здесь.

Сяо Лан чувствовал, что слова Цзян Лэ идут от чистого сердца, и от этого они казались ещё более режущими. Он не ответил, только отступил на шаг. Лишь тогда Цзян Лэ заметил, что за ним стоит ещё один человек.

Это был старик. На вид ему было не меньше восьмидесяти, волосы и борода уже поседели. Черты лица были очень добрыми и мягкими. Когда его взгляд встретился со взглядом Цзян Лэ, он улыбнулся. В сравнении с остальными в нём не было ни малейшей жестокости или нападения, и рядом с ним человек естественно чувствовал себя в безопасности.

— Не спеши, не спеши, — с улыбкой сказал старик. — Я врач. Сначала помогу тебе проверить тело. Когда поправишься, уйти тоже будет не поздно.

Мутировавший женьшень проигнорировал недовольный взгляд, который Сяо Лан бросил на него во время этих слов, и сам подошёл к Цзян Лэ, потянув его обратно в дом.

Силы у мутировавшего женьшеня было немного, но Цзян Лэ тоже не решался вырваться. Вдруг он ненароком поранит старика?

После проверки пульса мутировавший женьшень отпустил его руку, достал из лекарственного ящика маленькую коробочку и протянул Цзян Лэ.

— Больших проблем нет. Просто немного не хватает питания, поэтому развитие не вполне догнало норму. Положи это рядом с подушкой, ты ещё подрастёшь.

Услышав, что он ещё может стать выше, Цзян Лэ сразу стал серьёзным. Его взгляд то и дело соскальзывал на коробочку.

— Правда? Это правда?

Вообще-то раньше Цзян Лэ не был недоволен своим ростом. У себя дома он уже считался высоким среди обычных людей. Но по сравнению с тем холоднолицым мужчиной снаружи Цзян Лэ вдруг почувствовал, что сильно проигрывает в росте.

Из короткого разговора со стариком Цзян Лэ наконец понял, где находится. Это оказалась Секта Мира. То самое место, куда люди снаружи готовы были пробиваться любой ценой.

Но когда Цзян Лэ стал дальше расспрашивать, почему его привели сюда, и тихо спросил старика, кто тот мужчина за дверью, старик только улыбнулся и покачал головой, ничего не сказав.

А вопрос, который Цзян Лэ так и не произнёс, был вот каким: ему самому, кажется, врач не особенно нужен. А вот мужчине снаружи, похоже, нужен гораздо больше.

Убрав коробочку, Цзян Лэ проводил старика взглядом. Когда старик вышел за ворота, он ещё и закрыл за собой дверь во двор. Цзян Лэ тоже не счёл это чем-то особенным. Он только вздохнул. В любом случае сейчас он действительно уйти не мог.

Снаружи эти двое, кажется, разговаривали. Цзян Лэ наострил уши, пытаясь услышать, но разобрать всё равно не смог. До него долетели только отдельные обрывки: «дай ему время», «не тревожь» и тому подобное.

Неизвестно, было ли это из-за того разговора, но в следующие несколько дней Цзян Лэ действительно больше не видел того молодого мужчину. Только каждый день к времени еды на столе снаружи сами собой появлялись богатые блюда. Сначала Цзян Лэ не слишком решался их есть, но теперь уже мог спокойно отправлять еду в рот.

Да ну его. Если сбегать, без сил всё равно нельзя.

Коробочку, которую дал ему старик, Цзян Лэ открыл. Внутри лежал похожий на жемчужину предмет размером с кулак, источавший тёплую мягкую ауру. Казалось, эта вещь постепенно испарялась. Каждый раз, просыпаясь, Цзян Лэ обнаруживал, что она стала намного меньше. И за эти несколько дней он действительно почувствовал, что телу стало гораздо легче и свободнее.

Станным было только одно. Каждый раз, когда Цзян Лэ просыпался, ему казалось, будто всю прошлую ночь он видел сны. Но после пробуждения он ничего не помнил.

В то утро Цзян Лэ проснулся и по привычке открыл коробочку, чтобы посмотреть. Оказалось, внутри уже ничего нет.

В то же время снаружи донёсся шорох и приглушённые голоса.

Цзян Лэ слез с кровати и пошёл на звук.

— Не толкай меня, хитрая псина! Сегодня моя очередь быть съеденным хозяином!

— Тьфу. Каждый сам за себя. У кого больше способностей, тот и впереди!

— Ха. Советую вам смириться. Хозяин вообще не любит сливы и киви. Только такой сладкий ананас, как я, является любовью хозяйского сердца.

Цзян Лэ открыл дверь. Голоса во дворе мгновенно исчезли. Но его взгляд упал на мутировавшее плодовое дерево, и он увидел, что ветви со сливами, киви и ананасом переплелись между собой.

А когда взгляд Цзян Лэ наложился на некоторые картины во дворе, в голове у него почему-то вспыхнули отдельные обрывки воспоминаний. Даже в ладони внезапно появилось ощущение, будто он когда-то гладил мягкую шерсть.

— Щенок?.. — тихо пробормотал Цзян Лэ, а потом и сам не понял, что сказал.

Он покачал головой и снова посмотрел на то плодовое дерево. Сам он даже не заметил, что уже перестал бояться его. Цзян Лэ подошёл, поднял руку и разнял несколько дерущихся ветвей.

— Хватит шуметь. Положа руку на сердце, вы все правда уже созрели?

Цзян Лэ похлопал ананас.

— Особенно ты. По запаху не сказать, что очень сладкий.

Он развернулся и пошёл к воротам. Когда дверь во двор закрылась, из прежде тихого дворика снова слышался шум.

— Он погладил меня на один раз больше!

— Кто понимает?!

— Тьфу! Он сказал, что ты недостаточно сладкий, бесстыжая ты штука.

Цзян Лэ проигнорировал вероятность того, что эти голоса ему просто мерещатся. Он только чувствовал, что эта горная вершина стала для него немного знакомее. Выйдя за ворота, он совершенно естественно понял, куда ему идти.

<http://bllate.org/book/17649/1691223>